
О взаимном доверии сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных женщин

Узлов Н.Д., кандидат медицинских наук, доцент, Березниковский филиал Пермского государственного национального исследовательского университета
(nick.uzlov@yandex.ru)

Аман Н.Н., мастер производственного отдела ФКУ ИК-28 ГУФСИН России по Пермскому краю, дипломированный специалист-психолог

В статье приводятся результаты исследования доверия между сотрудниками исправительной колонии (инспекторами и работниками производственной зоны) и осужденными женщинами, отбывающими наказание за преступления: 1) небольшой и средней тяжести, 2) тяжкие и особо тяжкие преступления. Использовались: модификация методики оценки доверия/недоверия А.Б. Купрейченко; шкалы доверия Розенберга, принятия других Фейя и доброжелательности Кэмпбелла. Констатирован факт большего доверия к осужденным женщинам за тяжкие и особо тяжкие преступления работниками производственной сферы, объясняемые спецификой их трудового взаимодействия; со стороны заключенных в целом установлена тенденция к проявлению большего доверия к сотрудникам УИС, чем ответная реакция последних, проявляющаяся большей степенью недоверия.

Ключевые слова: доверие/недоверие, взаимное доверие, исправительная колония, сотрудники уголовно-исправительной системы, осужденные женщины.

Для цитаты:

Узлов Н.Д., Аман Н.Н. О взаимном доверии сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных женщин. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 154-168.
doi: 10.17759/psylaw.2017070113

For citation:

Uzlov N.D., Aman N.N. About the mutual trust of the employees of the penal system and convicts women. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 154-168.
doi: 10.17759/psylaw.2017070113

Постановка проблемы

В последние годы проблеме доверия уделяется большее внимание представителями различных наук – философами, социологами, политологами, экономистами, психологами и др. Особый интерес представляет исследование доверия к правоохранительным органам. Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в конце 2014 г., 56% россиян относятся к полиции с доверием, при этом 13% доверяют ей полностью, а 43% – лишь в определенной степени. В то же время 41% россиян считают, что на сотрудников органов внутренних дел положиться нельзя, чуть менее четверти респондентов (21%) дали положительную оценку деятельности сотрудников правоохранительных органов в оказании помощи гражданам. Еще 58% опрошенных считают помощь полиции в решении проблем несущественной, а 13% и вовсе уверены, что полицейские приносят людям больше вреда [3].

Среди обилия различных контекстов изучения доверия обращает на себя внимание ограниченное число работ, посвященных изучению доверия в юридической психологии, разных сферах юриспруденции, уголовно-исправительной системе (УИС). На дефицит такого рода исследований как нового прикладного запроса, указывает М.М. Заварцева [10]. Отечественные исследования посвящены, главным образом, изучению доверия у несовершеннолетних преступников, к числу которых можно отнести диссертационные работы А.А. Кокуева [12] и Н.Б. Астаниной [2]. Следует особо отметить публикации Л.А. Дмитриевой, акцентирующей внимание на формировании доверительных отношений между персоналом УИС и осужденными как фактора, способствующего их исправлению [5–7].

В теоретическом плане представляется важным рассмотрение соотношения понятий «доверие» и «недоверие». В данной работе мы придерживаемся определения доверия, данного А.Б. Купрейченко [13]. Автор определяет доверие другим людям как ценностное отношение субъекта к партнеру, предполагающее позитивное прогнозирование его поведения, а также интерес, уважение, готовность проявить по отношению к нему добрую волю. Это социально и экзистенциально ценное качество, являющееся условием удовлетворения эмоциональных потребностей человека в признании, принятии, интимности, обеспечивающее переживание его связи с миром и целостности бытия. Соответственно, недоверие – это сомнение в правдивости, подозрительность, отсутствие доверия. С.Н. Ениколопов и Ю.М. Кузнецова определяют недоверие как ожидание негативных последствий от действий партнера, который ассоциируется с ощущением опасности, оценивается как незначимый или имеющий отрицательную значимость [9]. В современной литературе нет единства взглядов относительно соотношения доверия и недоверия. Одни авторы рассматривают их как противоположные, взаимоисключающие феномены [1; 17], другие доказывают, что доверие и недоверие независимы друг от друга [20]. Критерии доверия и недоверия человека другим людям подробно рассмотрены в работах А.Б. Купрейченко и ее коллег [8; 13–15], которые показали, что доверие и недоверие – относительно автономные психологические феномены, имеющие как сходные, так и различные характеристики: признаки, условия возникновения, критерии и функции в регуляции жизнедеятельности субъекта. Основные функции доверия – социальное познание и обмен. Основные функции недоверия – самосохранение и обособление. Существует асимметрия критериев и факторов доверия и недоверия. Авторы подчеркивают, что «... содержание и степень опасений (недоверия), как правило, не эквивалентны содержанию и уровню надежд (доверия). Приобретения от оправдания доверия и потери в результате подтверждения недоверия в большинстве случаев ни качественно, ни

количественно, ни психологически не являются эквивалентными. «Если ожидания доверия не оправдаются (ситуация низкой удовлетворенности ожиданий), ничего страшного не произойдет – мы просто не получим “выигрыш”. Если же подтвердятся ожидания недоверия, то, впусив на свою “территорию” опасного партнера, мы можем потерять нечто высокозначимое» [14, с. 57].

Важнейшей характеристикой взаимоотношений между персоналом пенитенциарных учреждений и осужденными является их нормативность. Однако, как показывают наблюдения, чрезмерная зарегламентированность поведения (отсутствие «степеней свободы») приводит к сильному психическому напряжению, опасению, страху и способствует нарушению установленных в исправительном учреждении норм. На взаимоотношения между персоналом и осужденными оказывают влияние и неофициальные нормы, являющиеся элементом корпоративной культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы и субкультуры осужденных, и деление этих групп по принципу «мы» и «они» [4; 16]. Несмотря на то, что взаимоотношения между персоналом и осужденными носят институциональный и ролевой характер, при взаимодействии конкретных субъектов они не лишены личностного аспекта. Пенитенциарное учреждение является структурой, которая выполняет кроме исправительной и ряд других важных функций – воспитательную, трудовую и др., реализация которых невозможна без проявлений доверия между осужденными и персоналом. Разного рода нестыковки, непонимание, разногласия порождали противоположное явление – феномен недоверия.

Н.Г. Соболев специально рассматривает «феномен недоверия в уголовно-исполнительной системе» и приводит рейтинг наиболее типичных суждений относительно источников возникновения и механизмов его функционирования: а) недоверие возникает в силу специфики мест лишения свободы; б) в связи с особенностями корпоративной культуры персонала УИС; в) в связи с распространенной в УИС криминальной субкультуры осужденных; г) с преобладанием в действиях и поступках сотрудников пенитенциарных учреждений репрессивного уклона, поощряемого руководством и/или разделяемого большинством сотрудников; д) в связи с определенной функциональной обособленностью отдельных работников и служб УИС; е) в силу наличия у сотрудников установки враждебности и негативизма в отношении осужденных. Автор сводит факторы, детерминирующие возникновение и реализацию «феномена недоверия в УИС», к двум основным группам – объективным и субъективным. К первой группе факторов он относит нормативные документы, регламентирующие деятельность УИС и различия в социально-правовом статусе. Группу субъективных факторов образуют личностные особенности сотрудников и осужденных, организационная культура и этика персонала исправительных учреждений, криминальная субкультура осужденных и др. [18].

Таким образом, изучение различных аспектов доверия между субъектами пенитенциарной системы (сотрудников УИС и лиц, находящихся в заключении) представляется крайне важным не только в теоретическом, но и практическом плане – с точки зрения соблюдения законности, прав осужденных, осуществления исправительных, воспитательных, профилактических и других мероприятий, системы безопасности, выполнения поставленных производственных задач, функционирования учреждения в целом.

Сказанное выше определило цель эмпирического исследования – изучение взаимного доверия между сотрудниками УИС (инспекторами и работниками производственной зоны)

и двумя категориями осужденных женщин: за преступления небольшой и средней тяжести (1-я группа); за тяжкие и особо тяжкие преступления (2-я группа).

Материалы и методы

В соответствии с целью исследования были сформированы четыре группы испытуемых в общем количестве 100 человек, в равной доле респондентов в каждой группе по 25 чел. Все испытуемые – женщины. Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-28 ГУФСИН России по Пермскому краю в мае 2016 г. ИК-28 специализируется на выпуске специальной одежды для промышленных предприятий различного профиля, комплектов костюмов для полиции и военной формы для российской армии.

Персонал ИК-28 был представлен лицами зрелого возраста (от 22 до 50 лет), в основном со средне-специальным (больше инспектора) и высшим (больше работники производственной сферы) образованием, примерно одинаковым семейным статусом, с преобладающим стажем работы от 5 до 15 лет.

В формировании выборки осужденных мы руководствовались «Классификацией преступлений по степени тяжести», разработанной на основе анализа УК РФ [11]. Возраст осужденных женщин – от 22 до 54 лет. В группе осужденных за преступления небольшой и средней тяжести преобладали лица с более высоким образовательным уровнем, в обеих группах отмечалось преобладающее представительство одиноких и разведенных женщин (соответственно 92 и 80%). В первой группе доминировали женщины, отбывающие срок за причинение тяжкого вреда здоровью, преступления, связанные с оборотом наркотиков и грабеж; во второй – лица, совершившие убийства, разбойные нападения, занимавшихся наркоторговлей.

В работе, наряду с клинической беседой, использовались следующие психодиагностические методики:

1. Адаптированный для данного исследования вариант методики «Оценка доверия/недоверия сотрудника к коллегам и руководителям организации» (автор А.Б. Купрейченко) [13]. Методика включает себя 5 шкал доверия: «Надежность»; «Знание»; «Приязнь»; «Единство»; «Расчет» и 5 шкал недоверия: «Нерасчетливость», «Неприязнь», «Ненадежность», «Незнание», «Непредсказуемость». Опросник представляет собой 20 высказываний, которые предлагается оценить по степени согласия по 5-балльной шкале: от «полностью не согласен» до «полностью согласен». В качестве дополнительных показателей вычислялись суммарные (интегральные) значения шкал доверия и недоверия, а также их соотношение (индекс доверия/недоверия).

2. Опросники, оценивающие качество межличностного взаимодействия испытуемых: «Шкала доверия М. Розенберга», «Шкала принятия других» В. Фейя и «Шкала доброжелательности» Дж. Кэмпбелла. Оценка показателей этих шкал осуществляется в баллах, позволяющих оценить уровень выраженности измеряемых качеств (низкий, средний или высокий) и дают представление о том, как, на их взгляд, партнеры по «вынужденному» взаимодействию проявляют доверие или недоверие, а также качества коммуникатора, позволяющие сделать общение более доверительным и открытым.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью t-критерия Стьюдента.

Дизайн исследования

Методический прием, который был использован в данной работе, заключался в следующем. Исходя из определения доверия как «убежденности в честности и порядочности человека, веры в искренность и добросовестность его поступков», каждая группа испытуемых наделяла теми или иными качествами доверия предлагаемые для оценивания категории: работники УИС – осужденных, осужденные – взаимодействующий с ними персонал колонии. Таким образом, были получены субъективные оценки, характеризующие степень доверия и взаимного доверия: «Я считаю (мне представляется), что они такие...». Методический подход к проведению эмпирического исследования можно представить в виде двух схем (рис. 1 и 2).

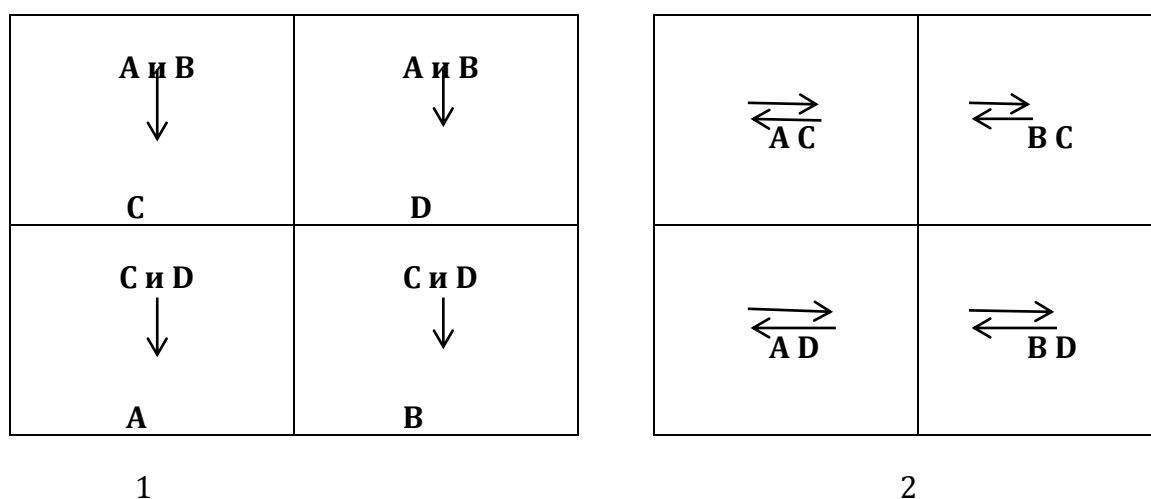

Рис: 1. Сравнительные оценки доверия; 2. Взаимные оценки доверия:

А – инспектора жилой и промышленной зоны;

В – работники промышленной зоны;

С – осужденные за преступления небольшой и средней тяжести;

Д – осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления

Полученные результаты и их обсуждение

А. Оценка доверия сотрудниками УИС осужденных женщин

В сравнительной оценке **доверия инспекторами производственной и жилой зоны обеих категорий осужденных (A → C и D)** было установлено, что осужденные за преступления небольшой и средней тяжести наделяются большим доверием, на что указывают статистически значимые различия в показателях надежности ($p < 0,001$), единства ($p < 0,05$), приязни ($p < 0,001$), расчета ($p < 0,001$), и соответственно меньшим недоверием – по нерасчетливости ($p < 0,001$), неприязни ($p < 0,001$), ненадежности ($p < 0,001$),

незнания ($p < 0,001$) и непредсказуемости ($p < 0,001$). Отсутствие различий обнаружено только по показателю «знание» ($p > 0,05$). Статистически значимых различий по шкалам межличностного общения не установлено, при этом шкала доверия Розенберга указывала на низкий уровень по отношению к обеим группам испытуемых-осужденных.

Совсем иначе оценивали **доверие к осужденным работники производственной сферы (B → C и D)**. Оказалось, что они выше оценивали надежность осужденных 2-й группы в сравнении с теми, кто совершил менее тяжкие преступления ($p < 0,01$) и приятнее к ним относились ($p < 0,001$), одновременно они ниже проявляли к ним недоверие: ценили их нерасчетливость ($p < 0,05$), испытывали меньшую неприязнь ($p < 0,05$). Соответственно, интегральный показатель доверия к этой категории заключенных у них оказывается выше ($p < 0,05$), а недоверия – ниже, хотя и без статистически значимой разницы.

По шкалам межличностного общения также не было выявлено статистически значимых различий. Как и у инспекторов, у работников производственного сектора обнаружился низкий уровень доверия и чуть более высокий уровень доброжелательности к осужденным 2-й группы.

Объяснения этому факту мы видим в специфике работы производственной зоны, в отличие от инспекторов, задача которых заключается в постоянном контроле и предупреждении нарушений правил отбывания наказания осужденными. Оказалось, что здесь играют роль несколько факторов, оказывающих влияние на формирование доверия:

1) прагматический. Из опыта работы установлено, что в швейной бригаде женщин, отбывающих наказание, в количестве 50 чел. бригадиром предпочтительнее поставить осужденную с большим сроком, так как период ее становления как бригадира составляет несколько месяцев (обучение работы с подчиненными, администрацией предприятия, ведению документации и др.);

2) материальный. Швеи, осужденные за тяжкие преступления, чаще заинтересованы в работе (нужно получать зарплату, чтобы выживать, так как многие не получают помощи из дома, выплачивать иски и др.), и поэтому они реже, в отличие от осужденных 1-й группы, являются злостными нарушителями технологической дисциплины, т. е. не в их интересах допускать брак в работе. Совсем иначе обстоят дела со швеями с маленькими сроками, которые часто не желают работать, осваивать производство, предпочитая «качать» права, вступают в конфликты с администрацией (а администрация требует выполнения норм выработки и качества продукции);

3) фактор профессионализации. За 2–3 года работы осужденная становится специалистом высокого уровня, овладевает необходимыми знаниями и навыками, часто – на уровне мастера, способная передавать свой опыт ученикам. Так обеспечивается преемственность и непрерывность производственного процесса.

В этих условиях между работниками производственной зоны и осужденными на длительные сроки устанавливаются более интенсивные и более доброжелательные отношения, поскольку в совместной деятельности они не только лучше узнают, но и в ряде случаев полагаются друг на друга. Все это делает их отношения более человечными.

Сравнительный анализ **оценки персоналом доверия к осужденным за преступления небольшой и средней тяжести (A и B → C)** показал, что позиции доверия к

ним у сотрудников колонии близки, но имеют большие значения у работников производственной сферы по параметрам «единство» ($p < 0,05$), что означает наличие у них некой общности, возможно даже принципов, в отличие от инспекторов; и большой уровень недоверия к ним по параметрам: «нерасчетливость» ($p < 0,001$), «незнание» ($p < 0,05$), «непредсказуемость» ($p < 0,001$), интегральному показателю недоверия ($p < 0,01$); однако инспектора отличаются от них большим принятием по Фейю ($p < 0,01$).

Сравнение *оценок доверия к осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления указанными категориями сотрудников УИС (A и B → D)* обнаруживает общность близости взглядов на доверие только по позиции «нерасчетливость» ($p > 0,05$), по всем остальным параметрам работники производственной сферы испытывают большее доверие к этой категории осужденных, чем инспектора ($p < 0,001$), и, соответственно, меньшее недоверие ($p < 0,05$), на что указывают различия в интегральных значениях, хотя по шкалам межличностного общения статистической разницы не выявлено.

Б. Оценка доверия к персоналу колонии осужденными

Оценки доверия к персоналу колонии осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (C → A и B) показали, что респонденты данной группы практически одинаково оценивают по уровню доверия/недоверия обе категории работников колонии, с которыми им приходится повседневно взаимодействовать, за исключением параметра «непредсказуемости», приписываемой больше инспекторам ($p < 0,05$). По шкалам межличностного общения работники производственной сферы наделяются большим доверием, т. е. им присваиваются такие качества, как большая доброта, честность, способность прийти на помощь ($p < 0,01$); большая доброжелательность ($p < 0,001$); высокая способность к принятию других ($p < 0,01$).

Осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления оценивают доверие к обеим категориям сотрудников колонии (D → A и B) примерно одинаково, при этом испытывают большее единство с теми, с кем им приходится взаимодействовать, исполняя трудовую повинность ($p < 0,05$); точно так же они оценивают личностно-коммуникативные качества персонала, не видя между группами особых различий ($p > 0,05$).

Оценка доверия осужденных женщин к инспекторам производственной и жилой зоны (C и D → A) свидетельствует о фактическом отсутствии различий в оценке осужденными обеих категорий доверия/недоверия к ним, а также по шкалам межличностных отношений. Различия касаются лишь параметра «нерасчетливости» ($p < 0,05$), которая приписывается инспекторам осужденными 1-й группы, т. е. качеств, указывающих на недоучет информации, дающей возможность осуществлять контроль над ситуацией и снижающей ее неопределенность и уязвимость. Очевидно, что речь здесь идет о таких ситуациях, снижающих доверие, в которых проявляется несправедливость, вероломство, избыточное проявление властных и должностных полномочий и т. п.

Аналогичные результаты получены и при *оценке доверия осужденными работниками производственной сферы (C и D → B)*. Они показывают равно одинаковое доверие к ним (с отсутствием достоверных различий) обеих категорий осужденных, как по шкалам доверия/недоверия, так и по шкалам межличностного общения ($p > 0,05$); при этом по шкалам доброжелательности и принятия другие женщины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, регистрируют показатели выше среднего и высокого уровня.

В. Оценка взаимного доверия между персоналом колонии и осужденными

Оценка взаимного доверия между инспекторами и осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (A → C) указывает на ряд существенных различий. Так, осужденные и инспектора существенно расходятся идеологически, прежде всего, в их взглядах на жизненные цели и ценности (показатель «единство», $p < 0,001$); в оценке надежности осужденные оценивают выше своих надзирателей, в отличие последних о них ($p < 0,05$); аналогичным образом они выше оценивают и приязнь, т. е. веру в инспекторов ($p < 0,001$). Недоверие к инспекторам приписывается по показателям «нерасчетливости» ($p < 0,001$) и «непредсказуемости» ($p < 0,05$). Иными словами, осужденные полагают, что инспектора ведут себя не всегда последовательно и рационально или даже во вред себе, не доверяя заключенным, и в их действиях присутствует волюнтаризм, не позволяющий прогнозировать их поведение.

Оценки различаются также по шкале доверия Розенберга, где в границах низкого уровня присутствует все-таки тенденция большего доверия осужденных к инспекторам, в отличие от последних, демонстрирующих обратное ($p < 0,01$). То же самое можно сказать и об оценке интенсивности принятия друг друга: ожидания относительно инспекторов у осужденных этой категории статистически значимо выше, хотя и незначительно ($p < 0,05$), чем экспектации инспекторов.

Оценка взаимного доверия между инспекторами и осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления (A → D) указывает на его отсутствие, или, по крайней мере, находится на очень низком уровне. Можно также утверждать, что инспектора не доверяют своим подопечным, о чем свидетельствуют также сравнительно низкие показатели по шкале Розенберга ($p < 0,01$). Их представления друг о друге совпадают только по двум параметрам: «знание» и «нерасчетливость» (т. е. вторичная выгода от поведения при контакте с человеком, за которую потом придется расплачиваться). Обе группы обследованных в личностных и деловых контактах применяют как раз «расчет», который, как полагают осужденные, используется инспекторами в отношении них в значительно большей степени, чем они сами могли бы его применить ($p < 0,001$), что вполне объяснимо с точки зрения неравноправности отношений заключенных и персонала исправительной колонии, и оценивается как фактор принуждения. Очевидно, что длительный срок взаимодействия в условиях пенитенциарного учреждения позволяет им достаточно хорошо изучить друг друга и выявить слабые места в межличностном взаимодействии. Осужденные также более склонны оценивать инспекторов как недоброжелательных к ним субъектов ($p < 0,01$), что, в общем-то, вполне объяснимо: в течение многих лет накопились обиды, претензии, обвинения в несправедливости и проч.

Оценки **взаимного доверия между работниками производственной сферы и осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (B → C)** позволяют заключить, что доверие/недоверие друг к другу между ними обеспечивается только за счет знания/незнания и расчета/нерасчетливости ($p < 0,05$); по всем остальным параметрам обнаруживаются статистически значимые различия: «надежности/ненадежности» ($p < 0,01$); приязни/неприязни (соответственно $p < 0,05$ и $p < 0,01$); а также «непредсказуемости» ($p < 0,001$). Общий вывод, который можно сделать, заключается в том, что уровень недоверия работников производственной сферы значительно выше такового, обнаруженного у заключенных-женщин ($p < 0,05$). Недоверие к последним характеризуется также низкими

показателями по шкале Розенберга ($p < 0,001$); низкими к ним проявлениями доброжелательности ($p < 0,001$) и принятия ($p < 0,001$).

Оценка параметров **взаимного доверия между работниками производственной сферы и осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления (A → D)** показывает гораздо больше точек сближения по доверию друг другу, чем в анализируемых выше парах испытуемых. Они проявляют себя в таких показателях доверия, как «надежность», «знание» и «расчет», и недоверия – «нерасчетливости», «неприятности», «незнания» и «непредсказуемости», а также в интегральных показателях ($p > 0,05$). Одновременно испытуемые выявляют статистически значимые различия по параметрам единства ($p < 0,01$) и приятности ($p < 0,05$): осужденные приписывают работникам производственной сферы больше указанных качеств, чем последние заключенным-женщинам, осужденным на длительные сроки отбывания наказания. Различия обнаруживаются также по параметру «ненадежность» ($p < 0,01$), которая также больше приписывается данной категории осужденных. Дистанция меньшего доверия к осужденным проявляет себя и в шкале Розенберга ($p < 0,01$), а также шкале доброжелательности, которой осужденные женщины за тяжкие и особо тяжкие преступления сильнее наделяют тех, с кем им приходится повседневно взаимодействовать на производстве ($p < 0,05$).

Оценивая в целом отношения доверия между персоналом исправительной колонии и осужденными, можно увидеть интересную тенденцию: оказывается, что уровень доверия осужденных к персоналу несколько выше, чем персонала к ним, при этом наибольший уровень доверия проявляют осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления к работникам производственной сферы. Более сложные параллели обнаруживают отношения недоверия: наиболее низкие уровни проявляются во взаимоотношениях инспекторов с осужденными за преступления небольшой и средней тяжести, наиболее высокие – инспекторов с женщинами, отбывающими наказание за более тяжкие преступления.

Результаты, полученные с помощью опросника А.Б. Купрейченко, в целом согласуются с данными на основе шкал Кэмпбелла и Розенберга: осужденные обеих групп в целом оценивают одинаково доверие инспекторов, в то время как последние оценивают доверие заключенных значительно ниже. То же самое можно сказать и о доброжелательности: оценки осужденных доброжелательного к ним отношения со стороны надзирателей заметно выше. Аналогичные данные мы видим и во взаимной оценке осужденных и персонала производственной зоны, где указанные тенденции проявляют себя еще более ярко. «Шкала принятия других» направлена на изучение степени интенсивности отношений принятия других людей. Эти взаимоотношения у респондентов характеризуются в основном средним уровнем интенсивности, что может косвенно свидетельствовать о благоприятном психологическом климате в данном пенитенциарном учреждении.

Полученные нами данные свидетельствуют о наличии двух векторов доверия: один из них, направляемый заключенными в сторону персонала исправительной колонии, указывающий на их стремление к большим доверительным отношениям и более высоким оценкам способности этих людей проявлять доверие к осужденным; другой – противоположный, сдерживающий, с акцентом большего недоверия работников пенитенциарного учреждения к преступницам, отбывающими наказание, связанный также со спецификой работы, должностными инструкциями по поддержанию правопорядка и

трудовой дисциплины. Что стоит за этим – чисто человеческая потребность в более теплых и доброжелательных отношениях или затаенная корысть, еще предстоит выяснить.

Оценивая в целом результаты работы, можно сказать, что они согласуются с ранее опубликованными наблюдениями одного из авторов данной статьи [19], показавшим, что восприятие преступника, отбывающего наказание, в оценках сотрудников полиции и работников ГУФСИН носит в основном негативный характер, в то время как осужденные склонны давать более высокие и позитивные оценки правоохранителям. Все это не способствует росту взаимопонимания и доверия, а также является серьезным барьером в деле продвижения исправительных и реабилитационных мероприятий.

В свете вышесказанного возникает необходимость актуализации доверия как профессиональной позиции персонала исправительных учреждений, на что указывает, в частности, Л.А. Дмитриева в своих публикациях [5; 6], включающей, как минимум, три важных аспекта: 1) расширение коммуникативного диапазона работниками УИС: распознавание и использование как манипулятивных стратегий, так и приемов диалогового общения, способствующих формированию доверительных отношений между сотрудниками УИС и осужденными; 2) более широкое использование различных способов укрепления доверия инспекторами при работе с женщинами, осужденными за преступления небольшой и средней тяжести; 3) проявление, наряду с доверием, большей бдительности работниками производственной зоны во взаимодействии с осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления; при этом особо следует обратить внимание на такой аспект доверия, как «единство» (некая общность, близость взглядов и представлений о жизни, возможно основанных на оценочности, сочувствии или человеческих симпатиях к осужденной), что может быть чревато определенными негативными последствиями, как в плане служебной деятельности, так и некоторой личностной деформации.

Литература

1. Антоненко И.В. Социальная психология доверия: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 48 с.
2. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. М., 2011. 21 с.
3. ВЦИОМ: уровень доверия россиян к правоохранительным органам растет [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20141107/1032140642.html> (дата обращения: 14.04.2016).
4. Дебольский М.Г., Локтева О.А. Взаимоотношения между персоналом пенитенциарных учреждений и осужденными // Энциклопедия юридической психологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 240–241.
5. Дмитриева Л.А. Доверие в профессиональной позиции персонала исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. Материалы научно-практической конференции (26–27 мая 2005 г.). Ч. 1. М.: НИИ ФСИН России, 2005. С.98–100.
6. Дмитриева Л.А. Социально-психологическое исследование доверия в рамках

- комплексной разработки проблематики оптимизации взаимоотношений между персоналом УИС и осужденными // Психолого-криминологическая диагностика личности осужденного и социально-психологическое сопровождение исполнения уголовного наказания. Матер. междунар. научно-практ. семинара (г. Владимир, 2 ноября 2004 г.). Владимир: ВЮИ ФСИН, 2005 (б). С. 48–52.
7. *Дмитриева Л.А.* Психологические особенности доверия у персонала пенитенциарных учреждений и осужденных // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. Вып. 6. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрова», 2009. С.79–96.
 8. *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества /*Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
 9. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М.* Подросток как объект социального недоверия // Социальное положение детей, подростков и молодежи в современном обществе: матер. Всеросс. научно-практ. конференции 13–14 мая 2010 г.: в 2 ч. Ч. I. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 101–106.
 10. *Заварцева М.М.* Доверие: новые перспективы мультидисциплинарных исследований // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С.14–21.
 11. Классификация преступлений по степени тяжести [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uznik.net/index.php/2009-01-08-22-04-50/2009-05-31-15-56-40/343-2009-06-07-06-25-37> (дата обращения: 11.05.2016).
 12. *Кокуев А.А.* Особенности доверия к себе и другим у несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003. 21 с.
 13. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 571 с.
 14. *Купрейченко А.Б., Табхарова С.П.* Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 55–67.
 15. *Купрейченко А.Б., Табхарова С.П.* Отношение к соблюдению нравственных норм делового поведения в зависимости от вектора доверия и недоверия у руководителей и рядовых сотрудников // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С.56–63.
 16. *Маняхин А.В.* Социально-психологическая характеристика особенностей ролевого взаимодействия сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Психология. 2014. № 3. С. 99–104.
 17. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2000. 264 с.
 18. *Соболев Н.Г.* К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия» в уголовно-исполнительной системе // Психологическое обеспечение в уголовно-исполнительной системе / Под ред. М.Г. Дебольского. М.: ФСИН России, 2007. С.

33–36.

19. Узлов Н.Д. Общение с маргинальным субъектом: перцептивный аспект (на примере взаимного восприятия осужденными, работниками правоохранительных органов и представителями социальных служб друг друга) // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 16 декабря 2015 г.) / Под общ. ред. З.П. Замараевой, М.И. Григорьевой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 240–245.
20. Lewicky R.J., Stevenson M., Bunker B.B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships // The Ohio State University: WPS. Feb., 1997. Columbus, OH: Max M. Fisher College of Business, Ohio State University.

About the mutual trust of the employees of the penal system and convicts women

Uzlov N.D., PhD (Medicine), Associate Professor, Berezniki Branch of the Perm State National Research University (knots51@mail.ru)

Aman N.N., Master of Production Department, Federal Official Institution Penal Colony – 28 of the Main Department of the Federal Penitentiary Service of Russia for Perm region, a graduate of the psychologist (aman.natalia@yandex.ru)

The article presents the results of a study of trust between employees of a penal colony (inspectors and employees of the production zone), and women who are serving sentences for the crimes of 1) small and moderate, 2) such grave and particularly grave crimes. There were used a modification of the methods of assessment of trust/distrust by A. B. Kupreychenko, M. Rosenberg's Faith in People Scale, Acceptance of Others Scale by William F. Fey and J. Campbell's Benevolence Scale. The fact of greater confidence on the part of employees of the production department to the women who are serving a sentence for a grave or especially grave crime was fixed, it was explained the specifics of their interaction in the work. The general trend to exercise greater trust by inmates to employees of the penal system was detected than their response reaction that appear of a greater degree of distrust.

Key words: trust/distrust, mutual trust, a penal colony, employees of the penal system, convicted women.

References

1. Antonenko I.V. Social'naya psihologiya doveriya [Social psychology of trust]: avtoreferat dis. d-ra psihol. nauk [Social psychology of trust. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Yaroslavl', 2006. 48 p. (In Russ.).
2. Astanina N.B. Osobennosti fenomena doveriya u nesovershennoletnih pravonarushitelej muzhskogo pola [The features of the phenomenon of trust among juvenile offenders male: avtoreferat dis. kand. psihol. nauk. [Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2011. 21 p. (In Russ.).
3. VCIOM: uroven' doveriya rossiyan k pravoohranitel'nym organam rastet [Elektronnyj resurs]. All-Russian Center for Public Opinion Research: the level of trust of Russians towards the law enforcement is growing. URL: <http://ria.ru/society/20141107/1032140642.html> (Accessed 14.04.2016) (In Russ.).
4. Debol'skij M.G., Lokteva O.A. Vzaimootnosheniya mezhdru personalom penitenciarnyh uchrezhdenij i osuzhdennymi [Relationships between prison staff and prisoners]. In

Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]. Moscow: Publ.YUNITI-DANA, 2003, pp. 240–241 (In Russ.).

5. Dmitrieva L.A. Doverie v professional'noj pozicii personala ispravitel'nyh uchrezhdenij [Trust in the professional roles of correctional staff]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: strategiya razvitiya [Criminal-Executive system of Russia: strategy of development]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (26-27 maya 2005 g.) [Materials of scientific-practical conference, May 26-27, 2005]. Part 1. Moscow: Publ. NII FSIN Rossii, 2005, pp.98-100 (In Russ.).
6. Dmitrieva L.A. Social'no-psihologicheskoe issledovanie doveriya v ramkah kompleksnoj razrabotki problematiki optimizacii vzaimootnoshenij mezhdru personalom UIS i osuzhdennymi [A socio-psychological study of trust in the framework of the complex research of the problem of optimizing the relationships between employees of the penal system and prisoners]/ Psihologo-kriminologicheskaya diagnostika lichnosti osuzhdenного i social'no-psihologicheskoe soprovozhdenie ispolneniya ugolovного nakazaniya [Psycho-criminological diagnosis the personality of the convict and socio-psychological support for the execution of criminal penalties]. Mater. mezhdunar. nauchno-prakt. seminar, 2 noyabrya 2004 g., g. Vladimir [Materials of the international scientific-practical seminar November 2, 2004]. Vladimir: Publ. VYUI FSIN, 2005, pp. 48-52 (In Russ.).
7. Dmitrieva L.A. Psihologicheskie osobennosti doveriya u personala penitenciarных uchrezhdenij i osuzhdenных [Psychological peculiarities of the confidence of prison staff and prisoners]. Sudebnaya psihiatriya. Penitenciarная psihiatriya i psihologiya [Forensic psychiatry. Penitentiary psychiatry and psychology]. Issue 6. Moscow: Publ. FGU «GNC SSP Roszdrava», 2009, pp.79-96 (In Russ.).
8. Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva /otv. red. A.B. Kuprejchenko, I.V. Mersiyanovoj [Trust and distrust in terms of the development of civil society. In A. B. Kuprejchenko, I. V. Mersiyanova (eds)]. Moscow: Publ.: NIU VSE, 2013. 564 p. (In Russ.).
9. Enikolopov S. N., Kuznecova YU. M. Podrostok kak ob"ekt social'nogo nedoveriya [The teenager as an object of social distrust]// Social'noe polozhenie detej, podrostkov i molodyozhi v sovremennom obshchestve [the Social situation of children, adolescents and youth in modern society]. Mater. Vseross. nauchno-prakt. konferencii 13-14 maya 2010 g.[Materials of All-Russian scientific-practical conference May 13-14, 2010]. In 2 parts. Part 1. Ufa: Publ.: ISEI UNC RAN, 2010, pp. 101-106 (In Russ.).
10. Zavarceva M. M. Doverie: novye perspektivy mul'tidisciplinarnyh issledovanij [Trust: the new frontier for multidisciplinary studies]. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied Legal Psychology], 2014, no. 1, pp. 14-21 (In Russ.).
11. Klassifikaciya prestuplenij po stepeni tyazhesti [Classifying crimes by severity] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.uznik.net/index.php/2009-01-08-22-04-50/2009-05-31-15-56-40/343-2009-06-07-06-25-37> (Accessed 11.05.2016) (In Russ.).
12. Kokuev A.A. Osobennosti doveriya k sebe i drugim u nesovershennoletnih prestupnikov, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody [Features of trust to himself and

- others at juvenile offenders, serving a sentence of imprisonment]: avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk [Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov n/D, 2003. 21 p. (In Russ.).
13. Kuprejchenko A.B. Psihologiya doveriya i nedoveriya [The psychology of trust and distrust]. Moscow: Publ.: Institut psihologii RAN, 2008. 571 p. (In Russ.).
 14. Kuprejchenko A. B., Tabharova S. P. Kriterii doveriya i nedoveriya lichnosti drugim lyudyam [The criteria of trust and distrust of the individual to others]. Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal], 2007, vol. 28, no.2, pp. 55-67 (In Russ.).
 15. Kuprejchenko A. B., Tabharova S. P. Otnoshenie k soblyudeniyu npravstvennyh norm delovogo povedeniya v zavisimosti ot vektora doveriya i nedoveriya u rukovoditelej i ryadovyh sotrudnikov [Relation to compliance of moral norms in business conduct depending on the vector of trust and distrust among managers and ordinary employees]. Psihologiya v ehknomike i upravlenii [Psychology in economy and management], 2009, no. 2, pp. 56-63 (In Russ.).
 16. Manyahin A.V. Social'no-psihologicheskaya harakteristika osobennostej rolevogo vzaimodejstviya sotrudnikov uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i lic, osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Socio-psychological characteristic features of the role interaction of employees of penal system and persons convicted to deprivation of liberty]. Vestnik YUzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Seriya Psihologiya [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2014, no. 3, pp. 99-104 (In Russ.).
 17. Skripkina T. P. Psihologiya doveriya. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [The psychology of trust. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow: Publ.: Academy, 2000. 264 p. (In Russ.).
 18. Sobolev N. G. K voprosu o raskrytii ponyatiya «fenomen nedoveriya» v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme [To the issue of disclosure of «the phenomenon of distrust» in the penal system]. Psihologicheskoe obespechenie v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme [Psychological support in the penal system]. In Debolsky (eds). Moscow: Publ.: FSIN Rossii, 2007, pp. 33-36 (In Russ.).
 19. Uzlov N.D. Obshchenie s marginal'nym sub"ektom: perceptivnyj aspekt (na primere vzaimnogo vospriyatiya osuzhdennymi, rabotnikami pravoohranitel'nyh organov i predstaviteleyami social'nyh sluzhb drug druga) [The conversation with marginal subject: perceptive aspect (for example on the mutual perception of prisoners by law enforcement officials and representatives of social services to each other)]. Social'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyah novej obshchestvennoj real'nosti [Social safety, social security and human protection in conditions of new social reality]: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Perm', 16 dekabrya 2015 g.) [Collection of materials of the VII international scientifically and practical conference (Perm, December, 16, 2014)]. In Z.P. Zamarayeva and M.I.Grigoryeva (eds.). Perm: Publ.: Perm State University, 2015, pp. 240-245 (In Russ.).
 20. Lewicky R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. *The Ohio State University: WPS*. – Feb., 1997. Columbus, OH: Max M. Fisher College of Business, Ohio State University.